

ТАРАРЕВЫ
ЮРИЙ И АЛЕКСАНДР
БОЙЦЫ ВРЕМЕНИ

ЗВЕЗДАНЫЙ
БРУСТВЕР
книга II

Звездный Бруствер

Юрий Тарарев

**Звездный бруствер.
Книга 11. Бойцы времени.**

«Автор»

2026

Тарарев Ю.

Звездный бруствер. Книга 11. Бойцы времени. / Ю. Тарарев —
«Автор», 2026 — (Звездный Бруствер)

Планета пылает: Центральный континент охвачен восстанием, Румих превратился в поле боя, где золотые драконы сражаются с истребителями принцессы Шерр, а в космосе к системе приближается древний флот захватчиков. Но еще более значимые события происходят в рядах самих Кыштынов, начиная с принцессы Шерр и заканчивая магическим кругом ее ближайшего советника.

© Тарарев Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 4	5
Глава 1	8
Ритуал Антимании	16
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Тарарев, Юрий Тарарев

Звездный бруствер.

Книга 11. Бойцы времени.

Книга 4

БИТВА ЗА ВСЕЛЕННУЮ

Высшие Сферы

Архитектор магической вселенной наблюдал происходящее и не понимал до конца высший замысел. Правда, чей это высший замысел он не знал, но верил, что существует тот, кто выше него. Он бросил взгляд на планету Рована, оценивая и анализируя происходящее.

«В целом события развивались позитивно. «Родник Реальности» перезагружен и работает как надо, как должно. Драконы золотые и черные составляли две противоположности, которые лежали в основе вселенной. Более того, короны возвращены законным владельцам. Несомненный и мощный позитив».

Он колыхнул эфир, продолжая размышлять. Его активность заметили другие его помощники: Луминар, Термос, Элира и, конечно, Хаар. Они не вступали в контакт с Архитектором реальности, понимая, что тот занимается анализом. Тот видел их желание вступить в контакт, но пока не был готов.

«Вселенная получила дополнительный магический импульс, запрограммированный изначально. Это хорошо. Получается, что экипаж «Коршуна» выполнил свою задачу? – Он досадливо дернул одну из туманностей, которая в ответ заискрилась россыпью звезд. – С одной стороны, они действительно выполнили свою изначально заявленную и согласованную с Кто-нами миссию, и их можно возвращать обратно в свою вселенную. – Он снова досадливо дернулся. – Можно, конечно, но остается ряд проблем, требующих решения, и без экипажа этого звездолета решить их очень трудно. Главное, среди команды экипажа появилась невиданная магическая личность – Эфирарх, который прогрессирует очень быстро, и во что он превратится, когда эволюция закончится, никто сказать не возьмется, в том числе и он, Архитектор. Нужна ли такая магическая составляющая этой вселенной? Скорее нет, чем да. Она не предусматривалась изначально при создании этой вселенной, значит, чужеродна. Но в сложившихся обстоятельствах ее появление оптимально».

Он вновь бросил взгляд на своих помощников-богов и провибрировал в пространство мысле-импульс – короткий, но ясный, как удар колокола в пустоте.

– Ну, что замерли? – в его призыве сквозила настороженность вечного стража, смешанная с легкой иронией. – Чего ждете? Что скажете? Чем порадуете? Оставляем экипаж «Коршуна» для дальнейшей работы или отправляем восвояси? Свою задачу они выполнили с блеском. С другой стороны, мы не можем позволить им уйти. Вселенная еще не стабильна.

Первым откликнулся Хаар. Его тьма сгустилась, будто маска, за которой пряталась холодная расчетливая ярость. Он отвечал за потусторонний мир, и у него уже давно были свои тайные планы на эту вселенную.

– Ты как всегда мудр, Архитектор, и совершенно прав, – бросил он свою мысль с показным почтением, но в голосе проскользнула едва уловимая насмешка. – Зачем нам эти пришельцы? Они свою задачу выполнили и пусть возвращаются обратно к себе, в свою относительную вселенную. Наша вселенная стабильна и ей ничего не угрожает! Преклоняюсь перед твоей мудростью...

Сказав это, растекся черной тучей – символ преклонения. Но внутри Хаара кипела совсем другая эмоция – торжество предателя.

«Пусть уходят. Я уже почти у цели. Кыштыны и Шерр – мои инструменты. Еще чуть-чуть – и Архитектор ослабеет настолько, что я смогу занять его место. Остальных богов я раздавлю, как пыль».

– О чем ты, Хаар?! – взорвался Луминар. Его свет вспыхнул ярче, чем обычно, выдавая настоящую тревогу и гнев. – Такое впечатление, что ты живешь не в этой вселенной и ничего не видишь! Да, согласен, они вернули силу «Родника Реальности», стабилизировали магию, но какой ценой?! Цена высока! Вселенная вновь стоит на краю хаоса и неконтролируемого падения в бездну безвременья! Кыштыны – это совершенно отрицательная сила с магией З'кыр, этот антипоток проникает из-за пределов известного космоса! Он не из нашей вселенной и пытается пожрать ее целиком! Даже наша отрицательная энергия сектора Умгара не может противостоять ей – она превращается в З'кыр! Мы выпрыгнули из огня да прямо в полымя космической экспансии отрицательного порядка! Учитывая такие обстоятельства, я предлагаю оставить экипаж «Коршуна» до той поры, пока они не решат проблему с Кыштынами. Это будет разумно!

Его поддержали остальные, вставляя свои мысли с нарастающей эмоциональной силой.

– Луминар прав! – прогремел Термос, и его текучая плазма вспыхнула настоящим пламенем. Искры полетели во все стороны. – Создатели и царица Лея уже вступили в открытую борьбу с принцессой Шерр! Они знают, что делать. Уже организован целый флот светлых и темных сил нашей вселенной против Кыштынов! Если не будет Создателей – кто возглавит эту борьбу?! Кто?!

На эту горячую речь Хаар мгновенно отреагировал. В его тьме мелькнула злоба – он не мог допустить, чтобы его тщательно выстроенные планы рухнули в зародыше.

– Вы говорите, З'кыр не из нашей вселенной? Возможно... – процедил он с ледяным спокойствием, но в мысли звенела едва сдерживаемая ярость. – Но мы противостояли этой магии тысячи лет – и очень успешно! Аэтрионцы практически ее уничтожили! По счастливой случайности она осталась цела. Так будет и в этот раз. Аэтрионцы пробудились и смогут уничтожить эту нечисть. Что касается Создателей, то в их среде есть сильнейший маг – даже не маг, а сущность, сравнимая с нами по силе, которая еще эволюционирует! Вот она точно не из нашей вселенной и угрожает нашему существованию напрямую. Нам – я имею в виду высшие сферы!

– И что ты предлагаешь? – холодно спросила Элира.

– Я за то, чтобы экипаж «Коршуна» вернулся в свою вселенную. Мы сами теперь справимся с проблемой под названием Кыштыны.

– Кто бы сомневался! – жестко и с презрением бросила Элира. Ее глаза вспыхнули белым огнем. – Ты изначально поддерживал эту силу и теперь мечтаешь захватить вселенную?! Признайся уже!

– Как ты смеешь бездоказательно обвинять меня в предательстве наших интересов... – начал Хаар, и тьма вокруг него сгустилась в грозные клубы.

Наметившуюся перепалку прервал Архитектор. Его голос прогремел так, что весь эфир содрогнулся.

– Я вас услышал. Понимаю вашу обеспокоенность... и твою, Хаар, заинтересованность. Помни, что я тебе сказал в нашей последней беседе.

Хаар было хотел что-то ответить, но Архитектор не дал ему слова – обдав тяжелой волной гравитации, от которой даже тьма бога потустороннего мира слегка прогнулась.

– Экипаж «Коршуна» остается. Чтобы довести дело до логического конца. Что касается Эфирарха – он нам не враг. Наша задача – помочь Создателям одолеть магов Шерр. Элира, успокой джунгли. Термос, добавь огня Умгарцам. Хаар... прекрати подпитывать Кыштынов. На этом все. Приступайте.

Боги замерли на мгновение. Пространство стало напряженным от взаимных обвинений и скрытой вражды. Луминар вспыхнул ярче, Термос оставил за собой огненный след, Элира растворилась в серебристом вихре, а Хаар... Хаар медленно втянул свою тьму обратно. В его сущности не было эмоций, но внутри бушевала холодная черная ярость – план дал трещину, но еще не сломался.

Архитектор остался один среди туманностей. Он смотрел на далекую планету Рована и впервые за вечность почувствовал легкую тяжесть в своей бесконечной сущности.

«Они думают, я не вижу... – анализировал он тихо, почти с грустью. – Но я вижу все. Даже то, что Хаар пытается скрыть. Игра началась по-настоящему. Теперь посмотрим, как все выйдет».

Эфир затих. Совет богов закончился. Но эхо их мыслей еще долго дрожало в пустоте, предвещая бурю, которая вот-вот обрушится на все сферы.

Глава 1

Кыштыны

Принцесса Шерр стояла в центре рубки флагмана «Светоч Ксенона», и это место уже не казалось ей чужим. Корабль обрел ее запах – смесь древней крови, магии от З'кыра и холодного металла аэтрионских сплавов. Она привыкла к нему, как ко второй коже.

Корабли Кыштынов нельзя перебросить сюда с Оскита быстро, и дело заключалось не только в расстоянии. Их флот существовал в иной связности реальности, в других плотностях и переходах. Вмешательство в эти уровни грозило потерями, которые не поддавались точному расчету. Эта зависимость от чужого флота раздражала Шерр сильнее, чем она позволяла себе это показывать, потому что здесь, в холодной и равнодушной пустоте, ее сила опиралась не на родные потоки, а на магию и технологии Аэтриона.

Экипажи флота – тысячи разумов – скованные жестким ментальным ошейником, который она затащила лично. Соловей и Лея пытались разорвать эти узы, очистить сознания, вернуть аэтрионцам свободу воли. Им не удалось. Но каждая попытка оставляла след – легкую трещину в контроле, которую Шерр чувствовала, как занозу под ногтем.

Она медленно повернулась к зеркальному полю, что висело в воздухе напротив трона. Отражение ответило без промедления: тело в полной боевой форме принцессы Шерр – кожа черная, как обсидиан, отполированный тысячелетиями тьмы, глаза горели ядовито-зеленым, зрачки сужены до нитей. Когти на пальцах пульсировали З'кыром – черно-фиолетовыми вспышками, будто внутри них билось отдельное сердце. Волосы, собранные в высокую корону, шевелились, словно живые тени, напитанные той же субстанцией. Она выглядела именно так, как должна выглядеть темная принцесса.

Вокруг центрального алтаря – низкого обсидианового круга, испещренного рунами, которые светились тускло, как угли под пеплом, – стояли кыштымские маги. Двенадцать фигур в черных мантиях, лица скрыты капюшонами, только глаза горят тем же зеленым огнем. Они работали на пределе: руки дрожали от напряжения, губы шевелились беззвучно, потоки отри-

цательной субстанции текли густо, вязко, с металлическим привкусом мутаций. З'кыр сочился из алтаря, как черная смола, поднимался спиральями, оплетая магов, проникая в их ауры, подпитывая и одновременно пожирая. Воздух в рубке стал тяжелым, почти осязаемым – каждый вдох оставлял на языке привкус черной магии.

Шерр смотрела на них с надеждой. Они – ее продолжение, ее инструмент, ее оружие. Аэтрионский флот висел вокруг флагмана – корпуса, изъеденные плазмой и драконьим дыханием, щиты на исходе, орудия перегреты. Ремонт требовал доков, пополнение боезапаса – целых арсеналов. Но Аэтрион взбунтовался. Пробуждение Рованы сломало тысячелетний контроль – народы планеты, маги, даже часть флота повернулись против нее. Теперь каждый корабль, каждая база могли стать ловушкой.

Она медленно сжала кулак. Когти впились в ладонь. З'кыр вспыхнул ярче – и на мгновение рубка озарилась фиолетовым светом, от которого даже маги на миг замерли.

«Они думают, что освободились, – подумала Шерр, и в этой мысли не было гнева, только холодный расчетливый интерес. – Пусть. Чем сильнее их надежда, тем больше будет разочарование».

Она отвернулась от зеркала, отражение мигнуло напоследок зеленым отблеском ее глаз, и шагнула к главному тактическому экрану. Поле голографического дисплея дрожало, словно под напором ветра. По нему текли данные сплошным потоком: алые и черные руны, цифры, векторы, вспышки статусов.

Маги у алтаря, не отрывая ладоней от рун, передавали все мысленно, короткими импульсами, которые она ловила. Последняя волна переброски с Оскита уже пошла. Порталы транслкации раскрывались над Рованой, как рваные раны в ткани реальности, из которых вываливались легионы. Сначала тени – бесформенные, текучие, с глазами, горящими тем же ядовитым зеленым, что и у нее. За ними – големы, тяжелые, каменно-металлические, с жилами лавы, что трескалась при каждом шаге. Затем бойцы в черных доспехах, пластины из оскитского адамантина, покрытые рунами З'кыра.

Они появлялись в светлом мире Рованы с положительной магией Текры – в мире, где воздух сам по себе был ядом для них. Положительная магия планеты обволакивала каждого прибывшего, как кислота. Чешуя трескалась, доспехи шипели. Шерр чувствовала это даже здесь, через тысячи световых лет – легкое жжение в собственной ауре, эхо чужой боли. Круг магов на Оските работал на пределе, поддерживая оптимальный режим. Формируя плотный кокон З'кыра вокруг каждого легиона, тонкий, но непроницаемый барьер, который гасил Текру, не давая ей проникнуть внутрь.

Но долго ли будет это продолжаться, надолго ли хватит сил противостоять магии Текры – на эти вопросы цифры ответа не давали. Запасы энергии таяли быстрее расчетных моделей. А ведь кроме того, что просто противостоять, нужно было еще и воевать, тратить ресурс на атаку, а не только на выживание. В общем, вопросы имелись, и серьезные. Они висели грузом в воздухе рубки. Вопросы, которые Кыштыны прорабатывали тысячи лет, шлифуя и готовясь к такому фазовому переходу. Они просчитывали переменные, учитывали циклы, строили прогнозы. И все же, глядя на то, как трещит защитный контур под давлением чужой реальности, становилось ясно: подготовка оказалась недостаточной. Теория разбилась о практику, оставив их наедине с непредсказуемой ценой вторжения.

Она сжала кулак, темная энергия З'кыр внутри вспыхнула ярче, реагируя на вспышку злобы. На главном тактическом экране алые метки легионов мигнули в унисон, синхронизируясь с ее ритмом, словно почувствовали гнев через прямую магическую связь.

«Почему все пошло не так, как планировалось? – анализировала Шерр, перебирая переменные в сознании с холодностью вычислительной машины, и приходила к неутешительному выводу. – Вмешательство извне! Случайный фактор, сыгравший злую шутку. Создатели появились внезапно и испортили все. Они грубо вторглись в уравнение и свели к нулю ее работу за тысячи лет. Они восстановили ослабленную энергию Родника, вернув ему первоначальную мощь. Возродили драконов как магическую силу. Вернули сознания аэтрионцев к базовым

настройкам. Заставили ее форсировать события, нарушить тайминг и совершить ритуал транслокации преждевременно, в невыгодных условиях.

Она перебросила свои темные легионы, тренированные и сильные, подготовленные к ослабленной магии Текры, которую можно было быстро погасить одним усилием воли. Теперь нет, погасить не удастся. Сопротивление среды слишком велико. Придется отвоевать место в этой вселенной, буквально вгрызаясь в реальность. Именно отвоевать, чтобы пробиться из вселенских разломов в эту магическую вселенную и закрепиться. Один раз в прошлом получилось выйти и закрепиться. Более того, смогли даже организовать и создать цивилизацию-сателлит Умгар. Да, ее создали Кыштыны как противовес светлой магии, заняли целый сектор, став плацдармом тьмы. Но непостижимым образом Родник Реальности трансформировал и приспособил эту отрицательную энергию для этой вселенной, сделав ее балансом, частью системы. Получилось, что она, Шерр, даже помогла этой вселенной устоять, укрепив ее иммунитет. Сателлиты стали врагами и вели с ней, темной принцессой, войну, используя подаренную ею же силу». Невероятно, но такова реальность.

– Ладно, – одними губами прошептала Шерр, и это слово прозвучало как вызов, брошенный самой реальности. – Посмотрим, как пойдет дальше.

В последний раз скользнула взглядом по тактической карте, где алые точки легионов уже начинали рассредоточиваться, втягиваясь вглубь континентов, словно капли яда, впрыснутые в кровеносную систему планеты. Мысли текли быстро, цепко, одна за другой выстраиваясь в новую, более сложную и изощренную стратегию. Прежний план рухнул, значит, нужно плести новую паутину.

«Придется поменять базовые настройки Умгарской цивилизации», – решила она. Эта мысль пульсировала в ее сознании, обрастая деталями. Умгарцы, те, которых она когда-то создала как инструмент, теперь забыли об этом и стали слишком самостоятельными. Но в их генетической памяти, в самой структуре их магии В'хоры, заложен ключ, код доступа, который она, как создатель, могла попытаться активировать. В'хора ведь – всего лишь производная от З'кыра, мутировавшая, адаптированная, но сохранившая глубинную базовую связь с первоисточником. Если найти способ переписать этот код, если суметь перепрограммировать их восприимчивость..., тогда Умгарцы перестанут быть врагами. Они вновь станут тем, чем были задуманы изначально – ее послушным сателлитом, ее тенью, ее ударной силой в этом секторе. И тогда флот Ву-Кана, эти грозные корабли, пополнят ее собственные эскадры. Мысль заманчивая. Трудная, почти невозможная в реализации, но заманчивая.

Но это лишь одно направление. Война, которую она развязала, будет вестись на нескольких фронтах одновременно, чтобы распылить силы противника, заставить их разорваться, обескровить себя в попытках удержать все сразу.

В космосе. Там, где барражирует ее потрепанный, но все еще грозный флот. Нужно не дать крейсеру «Коршун» и кораблям Ву-Кана безнаказанно маневрировать. Устроить им ловушку, заставить принять бой на невыгодных для них условиях.

Здесь, на Центральном континенте. В сердце Аэтриона, среди взбунтовавшихся городов и площадей. Здесь нужна не только военная сила, но и террор, подавление воли, чтобы сломить дух пробужденных, прежде чем они успеют организовать.

На Румихе. В этих проклятых джунглях, которые она так и не смогла покорить до конца. Туда сбежали Создатели, там засели драконы Рона. Этот континент станет вторым фронтом, куда придется бросить лучших охотников за тенью, чтобы выкуривать их из зеленого ада.

И, конечно, в Роднике Реальности. В этом источнике всей силы, в сердце магии. Драконы с магическими коронами теперь контролируют его, но контроль – не абсолютная защита. Если найти брешь, если ударить изнутри, используя накопленную мощь З'кыра... то...!

Шерр на мгновение задержала дыхание, обдумывая последнюю мысль. Оптимально, конечно, его разрушить. Просто взять и разорвать эту пульсирующую сетку реальности на

части. Без Родника не будет баланса. Без баланса не будет драконьей силы. Без драконьей силы Создатели останутся без поддержки. Но разрушить Родник...? Это потребует такой концентрации З'кыра, такого колоссального вложения сил, что оголятся все остальные направления атаки. Риск чудовищный. Но если удастся – победа будет абсолютной.

– Разрушить, – одними губами повторила она, пробуя это слово на вкус. Оно отдавало холодом и сладостью победы одновременно.

Подумав так, принцесса отвлеклась от тактических карт и горящих меток легионов. Она закрыла глаза, отключаясь от внешнего шума рубки – от монотонного шепота магов, от гула систем, от давящей тишины пространства за бортом. Все ее существо сосредоточилось на одном действии.

Она бросила нить своей магии туда, ввысь, за пределы этого слоя реальности. Туда, где находилась сила, которая поддерживала ее здесь все это время. Невидимая, неосязаемая для обычных магов, но для нее – реальная, как ее собственные когти. Та темная туча, что сгустилась на границе восприятия, та холодная воля, что подпитывала ее ярость и давала силы не сломаться под натиском Текры.

Тонкая нить магии, прочная, как канат из сплетенных теней, устремилась в пространство. Прошла сквозь вакуум, сквозь слои эфира, туда, где начиналась иная реальность. И там, на самой границе, где кончалась власть Архитектора и начиналось царство вечного холода, она нащупала ответ.

Нить дернулась. Ментально, конечно. Беззвучно, но так, что все существо Шерр пронзила короткая острая вибрация. Ощущение присутствия. Знак того, что ее слышат. Что та сила, что наблюдает за ней из-за грани, по-прежнему здесь. По-прежнему ждет. По-прежнему готова подпитать ее тьму, когда та начнет угасать.

Шерр выпрямилась. Она не видела собеседника, но чувствовала его – тяжелое холодное присутствие на границе восприятия, словно огромная тень накрыла рубку. Пересилила робость и бросила в пространство.

– Ты готов помочь мне в решающей битве?

Конечно, это был Хаар. Она не знала его имени, не знала его истинной природы, но знала одно: эта сила питается тьмой. Значит, союзник. Значит, можно говорить с позиции если не равенства, то хотя бы взаимной выгоды.

Пауза затянулась. Эфир вокруг сгустился, стал вязким, как смола. А когда ответ пришел, Шерр пожалела, что вообще открыла канал.

– Твой тон не соответствует твоему положению.

Голос ворвался в сознание ледяным крошевом, острыми осколками смысла, врезающимися в мозг. Он шел отовсюду и ниоткуда, давил на виски, вымораживал мысли.

– Ты всего лишь исполнитель моих замыслов. И никак не наоборот.

И следом – удар. Не магический, не физический. Пси-удар, чистая концентрированная воля, обрушившаяся на ее сознание, как молот на наковальню. Шерр покачнулась, вцепившись когтями в край тактического стола, чтобы не упасть. Металл жалобно скрипнул, поддаваясь. В глазах на миг потемнело, а в ушах зазвенело так, что она на мгновение перестала слышать даже собственное дыхание.

Она растерялась. Раньше эта сущность общалась с ней иначе – холодно, но ровно, без таких выпадов. Что изменилось? Почему сейчас, когда она на грани провала, этот «союзник» решил показать когти?

Шерр выдохнула, заставляя себя успокоиться. Сцепила челюсти так, что зубы скрипнули. Сейчас не время для обострения. Проигрывать битву амбиций, когда на кону все, она не имела права. Даже если внутри все кипело от ярости.

– Не время для разногласий, союзник, – процедила она сквозь зубы, и голос обрел прежнюю твердость. – В чем твой замысел? Он совпадает с моим?

В эфире повисла тяжелая звенящая тишина. Шерр физически ощущала, как та сущность там, за гранью, обдумывает ее слова, взвешивает, перебирает варианты. И ответ, когда он пришел, оказался хуже, чем она ожидала.

– Совпадает или нет – не имеет значения. – Каждое слово врезалось в сознание отдельно, с расстановкой, смакуя ее унижение. – Ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Иначе просто исчезнешь. Вместе со своими легионами. Вместе с флотом. Вместе с этой жалкой планетой, которую ты не смогла удержать...

Что-то внутри Шерр оборвалось. Оборвалось терпение. Тысячи лет интриг, жертв, планов – и какая-то тень, какой-то голос из пустоты смеет говорить с ней, принцессой Шерр, как с нашкодившей рабыней? И она сделала то, чего не делал никто и никогда в этой вселенной. Она перебила высшую сущность.

– Допустим. А если буду выполнять – какова награда? – Она ответила так, как будто балансировала на лезвии ножа.

Эфир взорвался гневом. Давление стало таким, что у Шерр заложило уши, а по стенам рубки побежали тонкие мерцающие трещины – материя реальности не выдерживала ярости того, кто обитал за гранью.

– Как ты смеешь торговаться со мной?!

Удар готов был обрушиться снова. Шерр уже чувствовала его приближение – холодную волну, готовую смести ее сознание, размазать по бесконечности тонким слоем пепла. Но она опередила.

– Я могу вовсе уйти из этой вселенной! – Она ткнула пальцем вверх, в потолок рубки, за которым простирался вакуум, а за вакуумом – бесконечность. Как будто он мог это увидеть. —Оставить тебя с твоими проблемами один на один? Их у тебя много, а союзников, похоже, вообще кроме меня нет. Ты этого хочешь? – Она замолчала, тяжело дыша.

Хаар замер. Там, на границе восприятия, огромная тень застыла в нерешительности. Давление спало. Трещины на стенах перестали расти, а потом и вовсе затянулись, будто их и не было.

Шерр попала в точку. Ткнула пальцем в небо и угодила в самое уязвимое место этой темной сущности. Кроме нее у Хаара не было никого. Ни союзников, ни армий, ни планов. Только она. Только принцесса Шерр со своим флотом, легионами и ненавистью к свету. И если она уйдет – он останется один.

Пауза затягивалась. Секунды тянулись, как смола. Шерр чувствовала, как пот стекает по спине под черным платьем, как мелко дрожат пальцы, вцепившиеся в край стола. Но она не подавала вида. Стояла ровно, смотрела в пустоту перед собой и ждала. Она решила его поторопить.

– Так что, – транслировала она ровно, без торжества, но с металлом в каждой ноте, – продолжим сотрудничество? Или мне уводить флот в разлом, пока не поздно?

Понятие блефа не имело смысла для существ, подобных Хаару. Они мыслили категориями силы и слабости, угрозы и подчинения. Гипотетическую возможность исполнения угрозы Шерр он воспринял как реальную опасность. И дрогнул.

– Ладно. – Начал он без давления. – Вижу, ты серьезно настроена. Я просто... проверял тебя.

Шерр позволила себе едва заметную усмешку, которую Хаар видеть не мог.

«Проверял. Конечно. Так я тебя и поверила. Прижала фактами, вот и пошел на попятную», – подумалось ей. А Хаар продолжил.

– Дела твои и хороши, и плохи одновременно.

– Поясни, – голос Шерр прозвучал жестко. Исход игры близок, и она не собиралась упустить инициативу – ни на миг.

Сущность помолчала.

– Хороши потому, что ты, похоже, выиграла бой и заставила бежать из дворца самого Эфирарха...

– Эфирарха? – Она выплюнула слово, как яд. – Ты знал и не предупредил?

– Не успел. Она очень быстро в него трансформировалась. А проиграла потому, что потеряла короны. Как ты могла... – Шерр сорвалась.

– Это же Эфирарх! Почему ты не помог?!

Давление в канале стало почти осязаемым – холодом, который обжигал кожу изнутри. Хаар ответил медленно, с холодной безжалостной точностью.

– Я не один здесь. Как и тебя меня окружает не только черная магия, но и светлая тоже.

– Понятно. Что делать дальше?

– Первое, что ты должна сделать, защитить свои легионы от магии Текры и магии Эфирарха. Иначе светлая магия вскоре разьет всю темную составляющую твоих бойцов. И все – ты проиграла.

– Так просто?

– Все относительно. Тебе нужно провести ритуал Антимании с помощью Руники. Я передам тебе изображения символов, обладающих такой силой. Тебе останется только провести обряд. Можешь это сделать на своем корабле – у тебя достаточно сильные маги. Они смогут создать антимагический щит против Текры.

Шерр почувствовала, как в голове вспыхнули образы – древние руны, черные на фиолетовом фоне, пульсирующие, словно живые. Они пришли мгновенно, без слов, прямо в сознание – острые, жгучие, как раскаленные иглы.

– Поняла тебя, незнакомец. Этим займусь прямо сейчас, а то чувствую, что силы легионов просто тают.

– Занимайся. Как закончишь – свяжемся снова и определимся со следующим шагом. Игра идет серьезная, ошибаться нельзя.

Шерр молчала секунду, чувствуя, как в груди кипит смесь злости и усталости. Она выдохнула – воздух вышел с легким фиолетовым дымком.

– Согласна, нельзя. Но что делать, со всех сторон сыплются одни проблемы? Сопротивление растет – джунгли Румиха ожили, потоки Текры хлещут по кыштынам, золотые драконы с Румиха и Центрального континента спускались с небес. Плюс ко всему флот Ву-Кана выходит из своего звездного сектора, да и Родник не на нашей стороне?

Сущность ответила не сразу. Давление в канале стало почти ласковым – обманчиво ласковым, как холод перед бурей.

– Любая дорога начинается с первого шага. Вначале защити легионы. Приступай...

Канал связи схлопнулся – резко, без предупреждения. Шерр осталась одна в рубке.

Она медленно разжала кулаки. Взгляд упал на тактический экран – алые метки легионов мигали все слабее, словно угасающие угли. Она видела, как Текра пожирает их – медленно, неотвратно.

– Приступаю, – прошептала она в пустоту, и в этом слове не было ни страха, ни сомнения. Только холодная звериная решимость.

Шерр повернулась к магам у алтаря. Те замерли – почувствовали ее взгляд раньше, чем она открыла рот.

– Готовьте круг. Приступаем к ритуалу – Антимании. Рунические знаки направляю. Полная концентрация.

Маги склонили головы. Рубка наполнилась тихим гулом – они уже знали, что делать. Шерр стояла неподвижно, глядя в иллюминатор на Ровану, которая висела зеленым шаром – красивым, ядовитым, смертельным.

Ритуал Антимании

Шерр шагнула в центр круга. Пол под ее ногами ожил: из-под плит проступили древние линии – серебристо-черные, пульсирующие, как вены живого существа. Она подняла руки, и пальцы заискрились: чистая В'хора смешалась с остатками З'кыра, рождая странное мертво-бледное сияние.

– Первый этап ритуала – изоляция, – хрипло возвестила она, голосом напоминающим хруст льда под ногами. Шерр начертала в воздухе руну Иса-Стазис – острую, как лезвие, потом символ остановки и наконец знак молчания. Руны вспыхнули ослепительно, оставляя за собой след раскаленного света, который медленно оседал на пол.

Маги синхронно вскинули руки. По желобам алтаря рванулось «ртутное серебро» – магическая взвесь, не отражающая свет, а впитывающая его. Она заполнила рунические канавки, и черные камни озарились тусклым свинцовым свечением. На тактическом экране алые метки легионов подернулись белесой изморозью. Шерр заставляла саму материю – тела солдат, их доспехи, саму их чужеродную магию З'кыр – замолчать. Прекратить вибрировать. Перестать взаимодействовать с окружающей реальностью.

Текра – живая положительная магия планеты – вступала в контакт с чужеродной магией З'кыра и разлагала ее, сама тоже несла потери, но у нее был неиссякаемый источник «Родник». Текра чувствовала врага, тянулась к нему, жгла его доспехи и плоть. Но если З'кыр переставала «кричать»? Если энергия захватчиков становилась невидимой, беззвучной, мертвой для внешнего мира? То Текра ее просто не чувствовала.

Шерр превращала свои легионы в информационные черные дыры. Они существовали, но для Текры их больше не было. Принцесса удовлетворенно наблюдала за положительной динамикой и громогласно объявила вторую фазу ритуала – отсечение!

Она выбросила ладонь в сторону тактической проекции. В сознании магов, объединенных в единую сеть, вспыхнул яростный символ – Хагалаз, знак разрушения, вывернутый наизнанку. Антиматический импульс не взрывал Текру. Он вырезал из реальности само пространство вокруг позиций легионов.

В магическом восприятии это выглядело жутко. Светящиеся потоки положительной энергии Рованы, окутывавшие отряды захватчиков на поверхности, вдруг натолкнулись на пустоту. Там, где только что кипела З'кыр, возникли зоны абсолютного ничто – угольно-черные сферы, внутри которых застыли бойцы. Текра скользила по невидимой глади. Барьер, за которым отсутствовали даже элементарные законы проводимости, оставался невидим.

Жрецы подняли ладони. Из их пальцев потянулись тонкие черные нити З'кыра – они сплелись с рунами Шерр, создавая живую пульсирующую сеть. Воздух наполнился тяжелым запахом магов и горящей крови.

– Текра, сила планеты, положительная и чистая... – начал хор жрецов низким вибрирующим голосом. Шерр закрыла глаза. Ее собственный голос впелся в общий хор, усиливая его в десятки раз.

– Я отрицаю тебя. Я разрываю тебя. Я возвращаю силу легионам своим!

Центральный кристалл алтаря вспыхнул. Ослепительно-белый свет с черными прожилками вырвался из его граней, и из него ударил столб чистой Антимании – силы, сотканной из отрицания самой сути Текры. Столб прошел потолок рубки, а затем, через магическую сеть, устремился вниз, с орбиты на поверхность планеты – прямо к позициям легионов.

На экране светящиеся потоки Текры зашипели. Словно кислота, на которую плеснули щелочь, они корчились, отступали, лопались черными пузырями. Алые метки наземных легионов стали ярче, сильнее. Воины, уже почти поглощенные положительной магией планеты, вдруг выпрямились. Текра отлетала от их доспехов, как масло от раскаленного железа.

Жрецы качались в трансе. По их лицам текли струйки пота. Один из них закусил губу до крови, но не прекратил. Руны в воздухе горели все ярче, вращаясь вокруг Шерр быстрым вихрем.

– Возвращайтесь! – выкрикнула Шерр, и в ее голосе прорвалась дикая первобытная сила. – Вы – мои! Никто не смеет вас пожирать!

Энергия ударила еще мощнее. Текра начала отступать по всей линии фронта на поверхности Рованы – медленно, но уже неумолимо. Легионы оживали. Крики воинов, доносившиеся через магические каналы, стали громче, яростнее.

Резкий удар гонга ознаменовал конец ритуала. Шерр тяжело оперлась о пульт. Ее пальцы, только что чертившие руны, покрылись тонкой коркой инея. Дыхание вырывалось изо рта густым паром, словно она провела час в морозном вакууме. Она стояла неподвижно, глядя в иллюминатор на Ровану.

– Ваше величество, легионы под защитой ритуала Антимагии, – доложил старший маг. – Текра больше не может их «видеть». Они для нее – пустое место.

Шерр вытерла кровь с виска, даже не взглянув на порез.

– Пока не чувствует, но скоро Эфирарх разберется, что к чему. Нужно торопиться.

Ее глаза горели холодным огнем. Руки дрожали от напряжения, но она довольна продолжала смотреть на планету.

Глава 2

Континент Румих

Вибрация обшивки передавалась через кресло, проникала в кости, но Артамонов почти не замечал ее. Он сидел, сцепив пальцы на подлокотниках, и смотрел в иллюминатор, за которым проплывали бескрайние изумрудные массивы джунглей. Континент Румих встречал их непроглядной зеленью и скрытыми угрозами. Артамонов недоумевал, и это чувство, липкое и раздражающее, росло с каждой минутой полета. Он, в прошлом руководитель цивилизации Создателей, человек, чьи решения определяли судьбы звездных систем, вынужден плестись в хвосте событий. Более того, от него практически ничего не зависит. Он только выполняет команды, словно рядовой исполнитель. Зачем полетел со стаей драконов – не понятно, они прекрасно обошлись без него, растворившись в облаках, оставив его в этом металлическом корпuse. И вот снова – приказ.

«Прибыть на Румих...». Он чувствовал себя пешкой в большой игре, которую кто-то другой двигал по доске, не спрашивая согласия.

Что делать? Человек так устроен. Пройдя путь во власти, Артамонов сильно изменился. Вернее, его изменила власть, перекроив сознание под свои нужды. Похоже, он начинал сожалеть, что покинул должность Лидера цивилизации. Правда, надо отметить, оно того стоило – он вернул молодость. Его отражение в темном стекле иллюминатора показывало лицо человека в расцвете сил, без морщин, с ясным взглядом. Но он потерял власть. На тот момент такой размен казался равноценным. Вечность в молодом теле ценилась выше временного влияния. На тот момент. Но теперь он привык к своему состоянию, вкусил запретный плод управления и вновь захотел повелевать. Желание было подсознательным, глубинным, но оно пробивало себе дорогу под действием обстоятельств, требуя выхода.

Верочка улетела с Заром и стаей, растворившись в небе вместе с древней силой драконов, а ему велено лететь на Румих, чтобы воссоединиться с основной группой наземных сил.

Он передал координаты пилоту шаттла сухо, без лишних слов, и тут его оторвал от грустного анализа доклад оператора. Голос звучал резко, профессионально, разрушая ход мыслей, как скальпель, рассекающий ткань.

– Командир, кыштымские маги в отсеке очнулись. Что делать? – вопрос повис в воздухе, напрягая обстановку. А вот эта новость его несколько взбодрила. Холодная искра интереса пробежала по позвоночнику. Он о них совсем забыл.

– Гам и Литон, кажется... – имена всплыли в памяти вместе с образами боевых магов.

– Так точно, командир... – подтверждение оператора вернуло его в реальность. Артамонов помолчал, взвешивая риски. Они под действием снотворного, но магия непредсказуема. Он подумал и наконец принял решение, чувствуя, как возвращается привычный вкус контроля.

– Ничего делать не надо. Если очнулись, что же, пусть потерпят неудобства. Они нейтрализованы, связаны и накрыты непроницаемым полем. Пусть так и остаются до посадки, а там посмотрим.

– Понял, командир.

Посмотрел на панель и щелкнул переключателем активации камеры в отсеке с магами Гамом и Литоном. Экран ожил изображением. Те находились в глубоких креслах фиксации, связанные специальными ремнями. Вокруг поблескивало непроницаемое магическое поле, переливаясь маслянистой радугой на стыках частот. Оно гудело, создавая визуальный барьер. Чтобы исключить контакт с внешним миром, любой обмен сигналами или телепатическими импульсами. Лица пленников бледны, но мышцы под кожей подрагивали – сознание боролось с оковами.

«Береженного Бог бережет», – подумал Артамонов, наблюдая, как поле стабилизируется. Старая поговорка звучала иронично в устах бывшего Лидера, но суть оставалась верной. Осторожность не вредила никогда, особенно когда внизу просыпается целый континент.

Он скользнул пальцем по панели управления и распорядился активировать систему маскировки шаттла на максимум. Обшивка снаружи слегка пошла рябью, преломляя свет, сливаясь с фоном облаков и магических выбросов. Корабль стал призраком, невидимым для радаров и глаз. Теперь они летели в тишине, скрытые от врага, но внутри напряжение только росло.

Шаттл следовал за стаей Врона на континент Румих. Золотые драконы маячили впереди огромными величественными силуэтами. Их крылья мерно рассекали воздух, оставляя за собой едва заметные завихрения в магическом поле. Артамонов смотрел на них без особого интереса – насмотрелся уже за последние дни. Взгляд прикован к навигационной карте, где ярко светились засветки шаттлов Соловей. Ирина была там. Живая. Целая. Это главное.

– Пилот, максимальная скорость, – бросил он, не оборачиваясь.

– Слушаюсь, командир.

Шаттл вздрогнул, издал низкий вибрирующий гул и резко рванул вперед. Перегрузка вжала Артамонова в кресло, но он даже не поморщился – привык. Корпус корабля слегка завибрировал, когда двигатели вышли на форсажный режим, и за иллюминатором пейзаж превратился в сплошную размытую полосу зелени и синевы. Шаттл буквально исчез из пространства для невооруженного глаза, покрывая расстояние с такой скоростью, какая для его класса считалась почти запредельной. Пилот знал свое дело.

Верочка улетела с Заром и стаей на Центральный континент – там, судя по скудным сводкам, уже полыхали первые стычки с легионами Шерр. Крейсер «Коршун» и вовсе затерялся где-то в Умгарской системе, в этом проклятом секторе Хаоса, откуда даже связь пробивалась с трудом, короткими рваными импульсами.

Только Ирина там, на континенте. Ждет его.

– Ирина... – одними губами произнес Артамонов, и имя это отдалось в груди теплом, острым и почти забытым.

Столько прожито вместе. Столько детей воспитали. Столько испытаний прошли плечом к плечу – от первых колоний до политических интриг, от бунтов до межзвездных кризисов. Она всегда была рядом. Опорой, советчиком, боевым товарищем. Иногда – раздражающим фактором, иногда – единственным, кто понимал его без слов. И получилось так, что вот сейчас он остался один.

Мысль эта пришла неожиданно, кольнула под рёбрами холодной иглой. Артамонов поймал себя на том, что в последнее время они с Ириной всё реже оказывались рядом. Сначала миссия на Роване, потом разделение задач, потом этот дурацкий отлёт с драконами, а теперь вот – он летит к ней, но летит один, в пустом шаттле, с двумя связанными магами в отсеке и экипажем.

Складывалось впечатление, что они отдаляются друг от друга. И это при том, что всё должно быть наоборот. У них вновь молодость, задор, энергия, желание жить и быть полезными. Тело больше не предаёт, не напоминает о возрасте болью в суставах и одышкой. Они могли бы... да много чего могли бы. Видимо, долгое совместное нахождение вместе сыграло свою роль – они надоели друг другу.

Артамонов поморщился, отгоняя эту мысль. Она была слишком циничной, слишком приземлённой для тех чувств, что он испытывал к Ирине на самом деле. Но где-то в глубине сознания, в тех тёмных уголках, куда он старался не заглядывать, эта мысль пустила корни и теперь цепко держалась, отравляя каждое воспоминание.

Да, такое могло случиться. Люди приедаются друг другу, даже если любят по-настоящему. Рутинка, быт, бесконечные проблемы – всё это стачивает чувства, как вода стачивает

камень. И вот уже вместо теплоты – холодная вежливость, вместо объятий – дежурные поцелуи в щёку, вместо разговоров по душам – обсуждение тактических задач.

Артамонов смотрел на засветку шаттла Ирины на карте и думал о том, что скажет ей при встрече. «Привет, как дела?» – глупо. «Я скучал» – банально. «Прости, что мы стали чужими» – слишком откровенно, да и неправда. Не чужие. Просто... другие.

Внезапно он почувствовал лёгкое прикосновение к своему сознанию. Дёрнулся, инстинктивно сжав подлокотники кресла. Взгляд метнулся к экрану с магами – Гам и Литон лежали всё так же неподвижно, связанные, накрытые полем. Никаких изменений. Ни один мускул не дрогнул на их лицах. Но прикосновение не исчезло. Наоборот, оно усилилось. Из лёгкого, почти невесомого превратилось во что-то иное – настойчивое, давящее, чужое. Кто-то пытался войти в его разум. Не просто прощупать, а взять под контроль.

Иван стиснул зубы, задействовав весь свой техногенный потенциал. Импланты в коре головы, вживлённые ещё в бытность Лидером, отозвались слабым гулом, пытаясь создать ментальный щит, заблокировать вторжение. Нейропроцессоры, способные просчитывать все схемы в доли секунды, лихорадочно перебирали алгоритмы защиты. Но технологии не помогали.

Кто-то воздействовал прямо на его сознание, в обход всех систем, всех технологических барьеров. Похоже, воздействовала чистая, грубая, концентрированная магия, ломающая его волю, как сухую ветку. Голова взорвалась болью. Артамонов зажмурился, вцепившись в подлокотники так, что ногти, казалось, вот-вот прорвут обшивку. В висках застучало, перед глазами поплыли разноцветные круги. Чужое присутствие ввинчивалось в его сознание, расталкивая мысли, подавляя волю и сопротивление, заполняя собой каждую клетку мозга.

– Нет... – прохрипел он сквозь зубы. – Не дождётесь...

Где-то на периферии сознания, сквозь шум и боль, он услышал встревоженный голос пилота.

– Командир? Командир, что с вами?

Ответить он уже не мог.

– Кто ты? – раздался женский голос прямо в его голове. Чёткий, ясный, говорящий на понятном ему языке без акцента, без искажений. Будто кто-то стоял рядом и задавал вопрос обычным, вежливым тоном.

Он хотел ответить дерзостью. Рвануть привычной командирской грубостью, послать подальше, обозначить границы, которые никто не смеет переступать. Язык шевельнулся, готовый выплюнуть что-то вроде «А тебе какое дело?» или «Представься сначала, раз пришла?». Звучало жалко, да и язык не повернулся.

Слова умерли, не успев родиться. Вместо этого Артамонов с ужасающей ясностью осознал, что он больше не контролирует своё тело. Губы сомкнуты, челюсти стиснуты, но не по его воле. Мышцы лица застыли в неестественном, чужом напряжении. Он попытался моргнуть – веки не дрогнули. Попытался сжать кулак – пальцы остались расслабленно лежать на подлокотнике, как у спящего.

Только глаза ещё двигались. Ими он и смотрел на происходящее, как зритель в первом ряду театра ужасов, прикованный к креслу невидимыми цепями.

Он понимал, что его сознание берут под контроль. Методично, слой за слоем, как снимают защитную плёнку с дорогого экрана. И поделаться с этим ничего не мог.

Если это враг, а кто ещё мог так бесцеремонно влезть в его голову? – то прямо сейчас этот враг узнает всё. Об Ирине, о Лее, о «Коршуне», о миссии, о планах, о слабых местах. Всё, что они так долго и тщательно выстраивали, всё, ради чего рисковали жизнями, – выплеснется наружу, как вода из пробитого сосуда. Этого нельзя допустить. Ни в коем случае.

Но как сопротивляться тому, что сильнее технологий, сильнее воли, сильнее всего, что в нём было? Чёрная рука, сжимавшая его разум, сдавила сильнее. И Артамонов почувствовал, как слова, его собственные слова, помимо воли всплывают из глубин сознания, готовые

сорваться с языка. Но сорвались с сознания. Выдавая древние данные, которые не имели значения здесь. Он это делал подсознательно.

– Я Артамонов Иван Всеволодович, капитан космического корабля класса «крейсер» под названием «Коршун».

Мысли лились сами, а сознание уплывало, тонуло в липкой, тёплой мути, которая заливала мозг, гася последние очаги сопротивления. Артамонов чувствовал, как тает его личность, как стираются грани между «он» и «оно», как чужая воля занимает место его собственной.

И в этот момент, на самой грани, за миг до полного погружения в небытие, его взгляд упал на панель управления. Там светился зеленым сенсор.

Маленький огонёк, пульсирующий в такт каким-то ритмам. Надпись под ним, которую он знал наизусть, гласила: «Сброс магов: Гам, Литон». Он сам установил её на всякий пожарный. Аварийная система, активируемая только в случае крайней угрозы захвата корабля. Катапультирование кресел прямо в открытый космос. Остатками сознания он понял, что они – ретрансляторы того чего-то, что брало его под контроль.

Он не успел даже додумать мысль до конца. Не успел взвесить последствия, просчитать риски, принять осознанное решение. Последним всплеском воли заставил руку поползти до сенсора, нащарить и надавить...

И в тот же миг по всему шаттлу прокатился низкий, вибрирующий гул. Система сработала.

В отсеке для задержанных, который Артамонов видел только что на экране, сработали пиропатроны. Оба кресла – с Гамом и Литоном, всё ещё связанными, всё ещё накрытыми непроницаемым полем, – с оглушительным хлопком вышибло наружу.

Кресла, закувыркавшись по инерции, полетели за шаттлом, быстро отставая, уменьшаясь на глазах до размеров точек, а потом и вовсе исчезая из виду. Две тёмные фигуры, обречённые на бесконечное падение в пустоте, пока ресурс их полей не иссякнет, и тогда...

Чёрная рука, державшая его разум, вдруг ослабла. Сдавила в последний раз – и отпустила.

Боль ушла. Давление исчезло. Чужое присутствие схлынуло, оставив после себя лишь звенящую пустоту в голове и противный, металлический привкус во рту. А потом в его сознании прошлестел голос. Уже не тот, чёткий и женский. Другой – тихий, шипящий, с ноткой разочарования, как у кошки, упустившей мышь.

– Жаль... недоговорили... – и всё стихло.

Артамонов сидел в кресле, тяжело дыша, чувствуя, как по лицу катится холодный пот, а руки мелко дрожат. В рубке было тихо. Пилот смотрел на него круглыми глазами, оператор замер с открытым ртом.

– Командир... Что это было? Вы выбросили магов в космос?

Артамонов медленно перевёл на него взгляд и с трудом ответил.

– Это было спасение. А маги..., что ж, маги сделали своё последнее чёрное дело.

Он откинулся в кресле, закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле, но мысль уже работала чётко, цепко, возвращая утраченный контроль. Она его недооценила. Кто бы она ни была. Думала, что сломает, как сломала бы любого другого. Но он – Артамонов. Он прошёл огонь, воду и медные трубы власти. И просто так не сдаётся.

– Пилот, – голос его обрёл привычную твёрдость. – Курс на Румих не менять. Максимальная скорость. И свяжись с группой Соловей. Передай, у нас были гости. Отделались лёгким испугом и потерей багажа. Пусть готовятся встречать.

– Есть, командир.

Артамонов правильно догадался. Маги пробудились и смогли пробить защиту ментально. Связаться с Шерр и доложить о случившемся. Та понимала, что у неё появился невиданный и неожиданный шанс покончить с обидчиками. Поэтому подключила магов круга и вскоре

они смогли напитать магией Литона и Гама так, что Шерр взяла под контроль экипаж этого маленького корабля, а вот с Артамоновым не получилось. Он как-то догадался и сумел выбросить магов в космос. Теперь это не важно, она знала всё, что ей нужно было знать.

А именно координаты, по которым десантировалась Ирина Соловей и Лея Эфирарх. Она задумалась на мгновение. Эфирарх – серьёзная составляющая, но не настолько. Её местный друг помогал ей тысячелетиями. Она сделала ставку на него, посмотрела на Лузвула и отдала неожиданную команду.

– Советник, следуем курсом к континенту Румих. Координаты я сбросила. Там шаттлы беглецов, уничтожим их и заберём короны.

– Слушаюсь, принцесса. Разрешите уточнить?

– Разрешаю.

– Мы будем спускаться на планету на кораблях или катерах и истребителях?

– Советник Лузвул, предложи мне ещё провести орбитальную бомбардировку...

– А что оптимальное решение...

– Ну хватит фантазий, готовь десант, обеспечь воздушное прикрытие – орбитальное и атмосферное.

– Понял, принцесса, выполняю...

Иван вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Ладонь стала мокрой, холодной, и это удивило – он не чувствовал, как вспотел. Голова болела так, будто внутри черепа поселился злой дух и методично долбил по стенкам изнутри тяжёлым молотом. Тупая, пульсирующая боль отдавалась в висках, в затылке, даже в зубах. Состояние сродни тяжелейшему похмелью после недельного запоя – только запоя у него не было, была схватка за собственный разум. Он понимал: только что прошёл по лезвию бритвы.

Тут никаких сантиментов – или ты побеждаешь, или тебя уничтожают. Не в переносном смысле, а буквально, физически, стирают личность, превращают в марионетку, в пустую оболочку, которая будет говорить чужим голосом и выполнять чужую волю. Он это понял сразу, как только тёмная энергия сознания Шерр коснулась его. Это было не похоже ни на что, что он испытывал раньше. Даже те ментальные атаки, которым его обучали сопротивляться в бытность Лидером, казались детской игрой по сравнению с этим ледяным, всепроникающим, вязким ужасом.

Иван с трудом поднялся с кресла. Ноги дрожали, подкашивались, словно он не сидел, а бежал кросс по пересечённой местности. Он сделал шаг, другой, вцепившись в спинку кресла для страховки, и медленно прошёлся по рубке. Движение помогало. Кровь быстрее бежала по жилам, унося продукты распада той гадости, что пыталась захватить его мозг.

Дежурная смена приходила в себя. Операторы оглядывались по сторонам с круглыми, ничего не понимающими глазами. Молодой лейтенант за тактическим пультом тряс головой, как боксёр после пропущенного удара. Девушка за сканирующим комплексом замерла, уставившись в одну точку, и мелко, едва заметно дрожала. Пилот сидел неподвижно, сжимая штурвал так, что побелели костяшки, по его лицу градом катился пот.

– Что это было? – пробормотал кто-то.

– Я ничего не понимаю... – отозвался другой.

Дезориентация проходила не быстро. Экипаж шаттла, привыкший к чётким командам и ясной тактической обстановке, столкнулся с тем, что не укладывалось в их картину мира. Что-то тронуло их сознания, скользнуло по краю, оставив после себя липкий, неприятный осадок.

Иван собрал волю в кулак. Сейчас нельзя было показывать слабость. Он – командир. Он обязан сохранять лицо, даже если внутри всё дрожит.

– Экипаж, спокойно. Опасность миновала.

Он обвёл взглядом рубку, задерживаясь на каждом лице, заставляя людей смотреть на него, видеть его уверенность, впитывать её.

– Это наши гости, боевые кыштымские маги, пытались взять нас под контроль. Хотели узнать всё о нашей миссии, о наших планах, о наших людях. – Он сделал паузу, давая словам улечься. – Но у них ничего не получилось.

Иван позволил себе кривую, жёсткую усмешку.

– Я их катапультировал прямо в открытое пространство. Пушай летают.

– Они же могут погибнуть! – вырвалось у девушки-оператора сканирующего комплекса.

Иван остановился напротив неё, посмотрел сверху вниз. В другое время он, может быть, смягчился бы, объяснил бы мягче. Но не сейчас. Сейчас на это не было ни времени, ни сил, ни морального права.

– Вполне может быть, – ответил он жёстко. – Тут ведь вариантов не было, дорогая. Или мы погибнем, или они. Что вы выбираете?

Девушка сглотнула, опустила глаза. Её губы дрожали, но она молчала.

– Хотелось бы, чтобы все остались живы, – прошептала она едва слышно.

Иван вздохнул, наклонился чуть ближе, понизив голос, но не теряя твёрдости, проговорил.

– Увы, это война. И вы – член экипажа. Отставить сантименты.

Он выпрямился и добавил громко, на всю рубку:

– Приступить к исполнению своих обязанностей. Курс на Румих, максимальное ускорение. Пилот, работаем.

– Есть, командир, – отозвался пилот с заметным облегчением.

Иван винил себя. За то, что недооценил боевых магов. За то, что расслабился, позволил себе думать о личном, когда нужно было думать о безопасности. За то, что они оказались гораздо сильнее, чем он ожидал. Если бы не тот зелёный сенсор, если бы не случайный взгляд на панель управления – всё могло бы закончиться иначе. И намного, намного хуже.

– Ладно, наука на будущее, – махнул он рукой, досадуя на себя.

Горькая усмешка тронула губы. На будущее. Хорошо, если это будущее у них будет.

Шаттл уже входил в плотные слои атмосферы планеты. За иллюминаторами вспыхнуло оранжевое зарево – тепловые щиты работали на пределе, принимая на себя удар раскалённой плазмы. Корпус корабля задрожал мелкой, противной дрожью, загудел на низких частотах, словно живое существо, которому больно. Датчики температуры зашкаливали, на экранах контроля полыхало красное предупреждение.

Иван бросил взгляд на показатели и поморщился. Ещё немного – и щиты снесёт. А если снесёт, то следом сгорит и шаттл. Вместе с экипажем. Вместе с ним.

– Пилот, сбросить скорость! – рявкнул он, хотя пилот и сам уже видел проблему.

– Слушаюсь, командир! – отозвался тот, не отрываясь от пилотирования.

Пилот работал в контактном геле – его руки погружены по запястья в вязкую, прозрачную субстанцию, заполнявшую специальные ниши в подлокотниках кресла. Гель усиливал нейронную связь с системами корабля, позволяя управлять им буквально силой мысли, минуя доли секунд, которые тратятся на механические действия. Пальцы пилота едва заметно шевелились внутри геля, и шаттл послушно менял режим.

Скорость резко упала. Температура щитов поползла вниз, оранжевое зарево за иллюминаторами сменилось багровым, а потом и вовсе погасло. Планета приближалась – огромная, зелёная, с прожилками рек и тёмными пятнами горных массивов. А вот и плотные слои атмосферы, где можно переходить на горизонтальный полёт.

– Пилот, выпустить крылья и оперение, – скомандовал Иван, следя за показаниями высоты. – Переходим на горизонтальный полёт. Подключить турбины.

По корпусу шаттла пробежала серия глухих ударов, лязгов и шипения гидравлики. Машину тряхнуло, заложило на мгновение в крутой вираж, но пилот выровнял. Из скрытых ниш в корпусе выдвинулись аэродинамические поверхности – крылья, стабилизаторы, рули высоты. Шаттл перестал быть космическим челноком и превратился в обычный, хоть и очень большой, самолёт. Турбины с тихим свистом втянули воздух. Гул двигателей изменился, стал ниже, спокойнее. Шаттл нёсся над бескрайним зелёным морем джунглей, разрезая воздух, как гигантская птица.

Иван наблюдал за навигационной картой. Пункт назначения быстро приближался – точка, где горели засветки шаттлов Ирины. Уже скоро, уже рядом. Он почувствовал, как напряжение начинает отпускать, сменяясь глухой, тянущей усталостью. И тут внезапно шаттл окружили золотые драконы.

Они вынырнули из облаков огромные, величественные, с чешуёй, переливающейся в лучах заходящего солнца. Они шли плотным строем, по бокам и сверху, замыкая шаттл в живой, дышащий кокон. Крылья мерно взмахивали, создавая мощные потоки воздуха, от которых машину слегка покачивало.

Врон сдержал слово. Стая встречала его, брала под защиту. Теперь можно было не бояться внезапных атак с воздуха – драконы не подпустят к шаттлу никого. Ни кыштымских тварей, ни тёмных магов, ни прочую нечисть.

– Командир, – голос пилота дрогнул от облегчения, – нас встречают.

– Вижу, – ответил Иван, позволяя себе наконец опуститься в кресло и закрыть глаза.

Всего на минуту. Всего на минуту он позволит себе отдых. А потом – встреча с Ириной, доклад, новые задачи. И, может быть, тот самый разговор, который откладывал слишком долго.

Шаттл нёсся к Румиху в окружении золотых стражей. Впереди была посадка. Впереди было продолжение.

– Защищают, – тепло подумал он, глядя на золотые силуэты, скользящие по обе стороны от шаттла.

Огромные драконы двигались синхронно, с грацией, которая казалась невозможной для таких массивных существ. Их крылья почти касались корпуса корабля, но ни одного лишнего движения, ни одной опасной близости – только уверенное, спокойное сопровождение. Чешуя переливалась в лучах заходящего солнца, отбрасывая тёплые блики на иллюминаторы. Иван поймал себя на мысли, что впервые за последние часы чувствует себя... в безопасности. И тут на связь вышла Ирина.

Её голос ворвался в рубку через обычный комм-канал, без магии, без ментальных штук – просто привычный, земной, чуть взволнованный тембр, который он знал лучше собственного пульса.

– Иван, вижу тебя. Ты как добрался? Всё нормально?

Он вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки. Экран перед ним вспыхнул, и он увидел её лицо – чуть уставшее, но живое, родное, с той особенной морщинкой между бровей, которая появлялась, когда она волновалась.

– Привет, – ответил он, и голос дрогнул. – Рад тебя слышать. Жаль, не было связи раньше.

Он помолчал секунду, собираясь с мыслями. Слишком многое хотелось сказать, слишком многое спросить. Но разговор не располагал к лирике – слишком коротким было окно, слишком многое нужно было успеть.

– Добрались с приключениями, – продолжил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Нас едва не взяли под контроль Кыштыны. И принцесса Шерр. Я даже был с ней в контакте...

Лицо Ирины на экране изменилось. Морщинка между бровей стала глубже, глаза расширились, в них мелькнуло что-то, похожее на испуг. Но испуг был не за себя – за него.

– Да что ты?! – вырвалось у неё. – Как она нашла твой шаттл? Это же невозможно! Вы были под маскировкой, драконы прикрывали...

– Ты права, дорогая, – перебил Иван, чувствуя, как внутри поднимается глухая, тягучая досада на самого себя. – Тут я сам сглупил.

Он сделал паузу, собираясь с духом. Признаться в собственной ошибке было тяжело, особенно ей. Но она должна была знать правду. Всю правду.

– Помнишь магов, которых нам дали как гидов? Гама и Литона? Я их нейтрализовал, связал, накрыл полем, как Лея велела. Думал, всё под контролем. Но недооценил их. Они смогли освободиться ментально – не физически, пробили поле, установили связь со своей королевой.

Ирина молчала, слушала, и лицо её становилось всё серьезнее.

– Ну а дальше – дело техники, – горько усмехнулся Иван. – Как в прошлом Ту’мы брали под контроль людей, помнишь? Так теперь и Кыштыны. Только у них это тоньше, изощрённее. Она вошла в мою голову, Ира. Просто вошла и начала хозяйничать. Я чувствовал, как таю, как теряю себя...

Короче, на последнем издыхании, на последних искрах памяти, я дотянулся до панели и активировал катапульты. Выбросил магов в открытое пространство. И всё, отпустило. Она исчезла.

– Ну слава богу, – выдохнула Ирина, и в голосе её было такое облегчение, что у Ивана на миг сжалось сердце. – Обошлось...

Она помолчала, глядя на него с экрана, и Иван поймал себя на том, что ждёт продолжения. Чего-то ещё. Вопросы, уточнения, детали.

Но она лишь улыбнулась – тепло, но как-то... слишком быстро.

– Видишь нас? – спросила она, и взгляд её на мгновение ушёл в сторону, будто она смотрела на что-то за пределами камеры. – Приземляйся рядом, драконы тебя сопровождают. До встречи, дорогой.

– До встречи, – ответил он автоматически.

Экран погас. Связь оборвалась.

Иван сидел неподвижно, глядя на потухший монитор, и чувствовал, как внутри разрастается холодное, липкое, неприятное ощущение. Что-то было не так...

Иван нахмурился, пытаясь ухватить ускользающую мысль. Она вертелась где-то на периферии сознания. И тут его осенило. Ирина его жалела. Да, жалела. И это было естественно. Она не спросила о главном, не задала единственно важного, единственно правильного вопроса в этой ситуации.

Что успела узнать или скачать из его сознания Шерр?

А это было главным. Это было критически важным. Шерр вошла в его голову, пробыла там достаточно долго, чтобы взять под контроль, чтобы начать вытягивать информацию. Она узнала многое. Наверняка не всё, но многое. Где они, кто они, каковы их планы, их слабые места, их союзники.

– Пилот, готовься к посадке.

– Понял, командир, – отозвался пилот.

Шаттл снижался к зелёному массиву джунглей, где его ждала Ирина. Иван смотрел на приближающуюся землю и понимал: самый трудный разговор в его жизни ещё впереди.

– Пилот, видишь поляну в джунглях?

Иван стоял за креслом пилота, вглядываясь в тактический экран. На фоне бескрайнего зелёного массива чётко выделялось небольшое пятно – естественный разрыв в кронах, поросший невысокой травой. Место выглядело достаточно ровным, чтобы принять шаттл.

– Да, отлично вижу, – отозвался пилот, не отрывая взгляда от приборов. Его пальцы, всё ещё погружённые в контактный гель, едва заметно шевельнулись, корректируя курс.

– Хорошо. Сажай шаттл на той поляне.

– Понял. Приступаю к посадке.

Шаттл медленно снижался в окружении золотых драконов. Огромные рептилии не отставали ни на метр, их крылья почти касались корпуса, создавая мощные потоки воздуха, от которых машину слегка покачивало. Драконы начали расходиться в стороны, освобождая пространство для посадки.

Шаттл завис над поляной на долгую, напряжённую секунду. Турбины взвыли на пределе, сдувая траву и мелкие ветки в стороны, создавая идеально ровный круг. Потом машина плавно, почти невесомо, опустилась.

Опоры с глухим стуком коснулись грунта и сразу просели под тяжестью корабля, увязнув в мягкой, влажной земле. Корпус вздрогнул в последний раз и замер.

Двигатели остановились. Тишина, наступившая после их гула, показалась оглушительной. Только потрескивала остывающая обшивка, только ветер шелестел в кронах деревьев, только где-то далеко кричали невидимые птицы.

– Отлично сработано, – бросил Иван пилоту, хлопнув его по плечу. – Отдыхайте. Дальше я сам.

Он прошёл в десантный отсек, где уже собирались остальные члены экипажа. Лица у всех довольные. Кто-то улыбался, кто-то просто молчал, приходя в себя после пережитого. Девушка-оператор, ещё недавно дрожавшая от ужаса, теперь с любопытством выглядывала в иллюминатор, разглядывая джунгли.

– Ждём, пока остынет обшивка, – сказал Иван, останавливаясь у люка. – Ещё пара минут.

Он смотрел на индикатор температуры. Красная полоса медленно, неохотно ползла вниз. Наконец загорелся зелёный.

Лязгнули запоры. Гидравлика зашипела, и тяжёлый люк начал медленно опускаться, превращаясь в трап. Наружу хлынул тёплый, влажный воздух, пропитанный запахами зелени, цветов и прелой листвы. После стерильной атмосферы шаттла это казалось невероятным, почти пьянящим.

А на землю, сверкая на солнце, стекли металлические ступеньки – тонкий ручеек жидкого металла, сбегавший из-под обшивки и застывший ровными, удобными перекладинами. Корабельные системы заботились о комфорте экипажа даже здесь.

Иван шагнул вперёд, первым ступив на землю Румиха. Трава под ногами была мягкой, упругой, чуть влажной после недавнего дождя. За ним спустились остальные – пилот, операторы, техники. Все жадно вдыхали воздух, щурились на солнце, оглядывались по сторонам.

Из-за деревьев, с противоположного края поляны, вышли люди. Десантники в лёгкой броне, техники, несколько офицеров. А впереди, чуть оторвавшись от остальных, бежала она. Ирина. Иван замер.

Она неслась к нему, не разбирая дороги, спотыкаясь о кочки, разбрызгивая грязь из луж. Волосы разметались, на лице – счастливая, почти детская улыбка, в глазах – слёзы, которые она даже не пыталась скрыть. Они встретились на середине поляны.

Ирина влетела в него, как снаряд, обхватила руками за шею, повисла, прижалась так сильно, будто хотела слиться с ним в одно целое. Иван покачнулся, но устоял, обнял её в ответ, прижимая к себе, чувствуя, как дрожит её тело, как бьётся её сердце где-то рядом с его собственным. От такой искренности у него перехватило дыхание.

Все обиды, все сомнения, вся горечь последних часов – всё растворилось в одно мгновение, смытое теплом её объятий, её запахом, её слезами на его шее. Иван закрыл глаза и просто стоял, чувствуя, как она целует его куда-то в щёку, в ухо, в шею, бормоча сквозь слёзы что-то бессвязное, горячее, бесконечно родное.

– Больше никогда... – шептала она, задышавшись. – Никуда не отпущу. Слышишь? Никогда. Чтобы рядом. Всегда. Я думала... когда связь пропала... я думала, всё...

– Тише, тише, – бормотал он в ответ, глядя её по спине, по волосам, чувствуя, как по собственным щекам тоже текут слёзы, и не стыдясь этого. – Я здесь. Я живой. Всё хорошо.

– Хорошо?! – она отстранилась на миг, посмотрела на него заплаканными, но счастливыми глазами и вдруг рассмеялась сквозь слёзы. – Дурак ты, Иван Артамонов. Самый любимый мой дурак.

И снова прижалась, спрятав лицо у него на груди.

Вокруг уже собирались люди. Экипаж шаттла встречался с теми, кто ждал их на Румихе. Слышались радостные возгласы, хлопки по плечам, короткие рассказы о пережитом. Кто-то уже доставал фляги, кто-то разводил небольшой костёр – вечер обещал быть тёплым.

Драконы Врона кружили над поляной, медленно набирая высоту, но несколько самых крупных остались барражировать неподалёку, готовые в любой момент прийти на помощь. Их золотые силуэты на фоне темнеющего неба казались живыми обелисками, охраняющими этот маленький островок покоя в океане войны.

Ирина наконец оторвалась от Ивана, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и посмотрела на него снизу вверх, всё ещё не отпуская его рук.

– Идём, – сказала она тихо. – Там Лея и другие наши друзья. Нужно многое обсудить. Но сначала... сначала просто побудь со мной. Хоть пять минут.

Иван кивнул, чувствуя, как внутри разливается тепло, которое он уже и забыл, оказываясь, как сильно любил.

– Пять минут, – согласился он. – А потом – всё, что скажешь.

Они пошли к лагерю. Вокруг кипела жизнь, люди обустраивались, готовились к ночлегу, проверяли снаряжение. Но для них двоих сейчас существовал только этот момент, эта минута, эта тишина после бури.

Где-то в глубине сознания Ивана ещё теплилась тревога, ещё билась мысль о том, что разговор с Ириной о Шерр и её вопросах не закончен. Но он отогнал её, решив, что всему своё время.

Сейчас было время для простого человеческого счастья. Пусть даже посреди войны, на чужой планете, в окружении драконов и магов. Они были вместе. А значит, всё остальное – преодолимо.

Глава 3

Атака на Румих

Шерр стояла у главного экрана «Светоча Ксенона», вцепившись ногтями в холодный металл пульта. Перед ней, в глубине голографической бездны, пульсировала карта магических потоков всего сектора. Родник Реальности горел ярким, ровным пламенем в самом центре, и от него во все стороны расходились нити Текры – чистые, упругие, наполненные силой. Они пронизывали пространство, добираясь до Рованы, до драконов, до каждой живой души.

З'кыр отвечал. Чёрные, вязкие потоки отрицательной магической субстанции поднимались из глубин Оскита, просачивались сквозь разломы, встречались с магией Текры на границах реальности и гасили её, уравнивали. Баланс пока обнадеживал. Родник пульсировал сильно, но магия З'кыра держала удар, не давая свету затопить всё без остатка. Ритуал Анти-магии сыграл свою роль. Тем не менее времени на раскачку не оставалось. Пора атаковать.

Шерр резко развернулась. Взгляд её зелёных пылающих глаз, упёрся в наместника Шадона. Тот стоял у алтаря в глубине рубки, окружённый свитой магов, готовый к любому приказу.

– Наместник, – голос прозвучал жёстко, – я атакую континент Румих. Отберу свои короны. Твоя задача – Центральный континент и аэтрионцы. Действуй жёстко, но осмотрительно. Мы не должны проиграть ещё раз.

Шадон склонил голову, и в этом движении не было ни тени сомнения.

– Понял тебя, принцесса Шерр. Исполню всё в точности.

– Цена проигрыша – наши жизни и существование нашей цивилизации. Помни об этом.

– Помню, – глухо отозвался наместник, и тени под капюшоном сгустились, подтверждая его решимость.

Шерр проводила его взглядом, когда Шадон, сопровождаемый магами, покинул рубку, чтобы готовить переброску на Центральный континент, медленно, очень медленно перевела взгляд на того, кто остался.

Советник Лузвул стоял чуть поодаль, у тактических панелей, делая вид, что поглощён данными. Но Шерр видела, как напряглись его плечи под чёрной мантией, как пальцы нервно теребят край кристалла управления. Он ждал. Ждал, когда она обратит на него внимание.

– Ну что, советник, – голос её звучал ровно, с едва уловимой насмешкой. – Пора заняться настоящим делом?

Лузвул дёрнулся, но быстро взял себя в руки. На лице заиграла кривая усмешка – слишком дерзкая, слишком опасная.

– Разве до этого, моя принцесса, мы занимались... – он сделал паузу, подбирая слово, – пустяками?

Тишина в рубке стала абсолютной. Операторы замерли, боясь дышать. Даже маги у дальних пультов прекратили свою монотонную работу, почувствовав напряжение, повисшее в воздухе.

Шерр не шелохнулась. Только взгляд стал ещё тяжелее, ещё пронзительнее. Она смотрела на Лузвула долго, очень долго, давая ему прочувствовать всю глубину его ошибки. А когда заговорила, от голоса кровь стыла в жилах.

– Игривое настроение, Лузвул, – это хорошо. Но грань переходить не стоит.

Лузвул побледнел под чёрной кожей. Усмешка сползла с его губ, сменившись выражением, которое у кыштынов считалось эквивалентом раскаяния. Он открыл рот, чтобы извиниться, но Шерр не дала.

– Но ты прав, – продолжила она, и голос её смягчился ровно настолько, чтобы не превращать разнос в публичную казнь. – У нас всегда все дела требуют полной отдачи сил. И этот рейд – не исключение.

Она отвернулась от него, снова уставившись на экран, где медленно вращалась Рована. Её силуэт в отражении экрана казался вырезанным из чёрного камня.

– Трудность этого рейда, – заговорила она, не оборачиваясь, – состоит в том, что экипажи флота составляют аэтрионцы. Сознания которых мы держим под контролем.

Лузвул сглотнул, прекрасно понимая, к чему она клонит.

– Не хочется думать, что будет, если они вдруг освободятся от нашего контроля. Эфирарх сильна. Она может ударить по ментальным нитям, и если пробьёт брешь...

Шерр резко развернулась к нему, и в глазах её полыхнуло зелёное пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.